

Т. Д. Златковская

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИННОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ
КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА**

(ПО ФРАКИЙСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Исследуя процесс перехода человечества от первобытности к раннеклассовому обществу, Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» рассматривает формы общинной собственности как один из важных критериев, определяющих степень развития этого процесса. Он широко использует данные об общинном землевладении главным образом у народов античного времени, останавливаясь на его характеристике у римлян в древнейшую пору существования города Рима, у германцев времен Цезаря и Тацита, а также у кельтов раннего средневековья.

Так, он пишет, что у латинских племен «земля находилась частью во владении племени, частью во владении рода, частью же во владении домашних хозяйств, которыми тогда вряд ли являлись отдельные семьи»¹.

Разбирая далее формы земельной собственности у германцев, в частности у свевов, Ф. Энгельс приходит к выводу о том, что у них «существовала не только общая собственность, но и совместная обработка земли общими силами. Еще долго можно будет спорить о том, — продолжает Энгельс, — был ли хозяйственной единицей род, или ею была домашняя община, или какая-нибудь промежуточная между ними коммунистическая родственная группа, либо же, в зависимости от земельных условий, существовали все три группы»². Он не согласен с мнением о наличии сельской общины (общины — марки) у германцев эпохи Цезаря и Тацита и считает, что у них существовали хозяйственные коллективы, основанные не на территориальных, а на родственных связях³.

Ссылаясь на древнеуэльские, ирландские и шотландские средневековые законодательства, Ф. Энгельс пишет об общей собственности на земли рода или клана. В частности, он отмечает совместную обработку земли целыми селами у уэльсцев, добавляя, что «эти сельские общины представляют собой роды или подразделения родов»⁴. Он обращает также особое внимание на то, что у ирландцев земля вплоть до XVII в. «была общей собственностью клана или рода»⁵, и приводит цитату из Моргана о характерном для шотландского рода совместном землепользовании⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 121.

² Там же, стр. 140.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ Там же, стр. 132.

⁶ Там же, стр. 133.

Таким образом, характеризуя общинное землевладение у народов античного времени в период, предшествующий возникновению у них государственности, Ф. Энгельс подчеркивает, что оно было основано на принципе владения землей родственными коллективами.

Отступление от этого принципа знаменовало переход от родового общества к обществу раннеклассовому. Этот переломный момент Ф. Энгельс прослеживает на примере тех же народов в главах, посвященных возникновению государства у древних греков («Возникновение Афинского государства»), у римлян («Род и государство в Риме») и германцев («Образование государства»). Превращение продуктов в товары, т. е. возникновение товарного производства, а затем и возникновение «всеобщего товара» — денег и денежного обращения, имело своим следствием появление имущественного и классового расслоения общества, эксплуатации и угнетения. Эти явления непосредственным образом отражались на судьбах общинного землевладения. Землю (главным образом пахотные участки и луга) захватывали не только главы разбогатевших отдельных семей; на нее (как и на участие в управлении) претендовали теперь также и пришлые лица, стоявшие вне местных старых родов, фратрий, племен. Эти лица появились здесь в связи с развитием торговли, ремесел, вследствие завоеваний и т. п. Их вес в экономической и политической жизни не соответствовал и противоречил той роли, которая была отведена им на последнем этапе родового общества. В результате развития этих новых экономических, социальных и политических сил принцип владения землей родственными коллективами отступал перед иным принципом, основанным на имущественных различиях общества и его территориальном делении⁷.

Подводя итоги этим процессам, которые у германцев были ускорены римским завоеванием, Ф. Энгельс пишет: «...родственный характер связи отступал на задний план перед территориальным; род растворялся в общине-марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто заметны следы ее происхождения из отношений родства членов общины»⁸.

Новые материалы о земельных отношениях у других племен античной ойкумены не только подтверждают правильность выдвинутых Ф. Энгельсом положений, но и свидетельствуют об общих чертах в развитии различных народов на пути к возникновению частной собственности и государства.

Значительный интерес представляет в этой связи изучение форм общинного землевладения у фракийцев в переходный период от общинно-родового к раннеклассовому обществу. Фракийцы были одним из крупнейших народов древности и занимали в античное время земли современных Болгарии, Румынии, европейской Турции, а также части Югославии (Сербия) и Греции (северо-восточная ее часть); поэтому социально-экономические процессы, протекавшие у фракийцев, выходят далеко за рамки узколокального интереса. Существенно и то, что фракийцы были одним из первых «варварских» народов Европы, ставших на путь развития собственной государственности. Процессы формирования классов и государства протекали у них до времени включения их земель в крупные рабовладельческие империи древности; поэтому возникновение различных форм собственности здесь можно наблюдать в наиболее чистом виде, не осложненном влиянием античных империй.

Скудость источников, по которым можно проследить развитие общинных отношений в северо-восточной части Балканского полуострова, заставляла большинство исследователей обходить этот вопрос молчанием. В последнее время значительно увеличился интерес к изучению этого сюжета, однако нечеткие свидетельства источников дают по-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 113—115, 127—129, 150, 166—167.

⁸ Там же, стр. 150.

вод для оживленных дискуссий. Эти обстоятельства натолкнули нас на мысль обратить внимание специалистов на источники, не привлекавшиеся ранее для изучения этого вопроса, и на возможность новых толкований уже использовавшихся данных.

Община, основанная на родственных отношениях, явственно проглядывает во фракийских эпиграфических материалах даже сравнительно позднего для нашей темы времени — в надписях эллинистического и римского периодов. Многие названия фракийских деревень, судя по этим данным, происходят от племенных названий и личных имен, что дает повод связывать возникновение этих деревень с поселением родственных коллективов. Особенно интересна для нас надпись, упоминающая «границы поля бендипаренов»⁹, так как здесь в наименовании жителей поселения звучит имя фракийской богини Бендис, которая была, по мнению крупнейшего лингвиста-фраколога Д. Дечева, не только фракийским аналогом Артемиды, но и богиней-защитницей родовых объединений. Вообще очень многие имена фракийских божеств, как и их эпитеты, происходят от этнических названий, а также от терминов «род», «родоначальник», «основатель нашего рода». Эти факты приводят Е. М. Штаерман к заключению, что преобладание божеств — родоначальников и хранителей родов определялось характером самих общин¹⁰.

Более детальные сведения о характере общины во Фракии в период перехода к эпохе государственности дают материалы, относящиеся ко времени возникновения и ранних этапов истории Одрисского царства — первого государственного объединения фракийцев (V—IV вв. до н. э.). К ним относится прежде всего «Анабазис» Ксенофонта. Ксенофонт был участником похода 10 000 греков и руководителем отряда, сражавшегося во Фракии. Его осведомленность во фракийских делах не подлежит сомнению. В связи с нашей темой мы хотели бы обратить внимание на один отрывок из «Анабазиса» (Anab., VII, V, 12—13). В последнем русском издании 1951 г. он переведен следующим образом: «Здесь у Салмидесса (соврем. г. Мидия на западном берегу Черного моря.— Т. З.) многие из плывущих в Понт кораблей садятся на мель и их прибывает затем к берегу, так как море тут на большом протяжении очень мелководно. Фракийцы, живущие в этих местах, отмежевываются друг от друга столбами и грабят корабли, выбрасываемые морем на участок каждого из них». Аналогично переводит это место и Г. Кацаров; близка трактовка этого текста также у Б. Герова и А. Фола¹¹. При таком переводе греческого текста создается впечатление, что прибрежными участками у Салмидесса владели отдельные фракийцы. В наиболее категорической форме такая точка зрения проведена в работе А. Фола, который полагает, что участки принадлежали частным владельцам или главам патриархальных семей (больших? малых?); в целом же он видит в приведенном отрывке указание на типично территориальную общину¹².

Греческий текст, однако, дает повод для иного толкования этого отрывка. Так, Ксенофонт, дважды говоря о тех, кому принадлежат огороженные участки, употребляет не единственное, а множественное число: «Фракийцы, живущие в этих местах, устанавливают у себя межевые столбы, и каждые ((*ἕκαστοι*) грабят потерпевших у них (*καθ' αὐτοῦς*)

⁹ «Inscriptiones graecae Bulgariae repertae» (далее IGBR), III, I, № 1455. Среди других надписей упомянем, например, содержащие названия деревень, которые происходят от племенных названий и личных имен. См.: IGBR, III, I, № 1473; III, 2, № 1690¹², 34, 47, 70, № 1711, 1771 и др.

¹⁰ Е. М. Штаерман, Мораль и религия угнетенных классов Римской империи, М., 1961, стр. 175—176.

¹¹ G. Kazanow, Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker, Sarajevo, 1916, стр. 46; Б. Геров, Проучвания върху поземлените отношения в нашите земи през римско време, «Годишник на Софийския университет», Филологич. факултет, т. 50, № 2, 1955, стр. 21; A. Föl, Die Dorfgemeinde in Thrakien im ersten Jahrtausend v. u. Z. «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Berlin, 1959, Bd. I, S. 313.

¹² A. Föl, Указ. раб., стр. 313.

кораблекрушение». При таком переводе текст воспринимается иначе, так как становится очевидным, что речь идет об участках, принадлежащих не одному человеку, а группе лиц; эти лица являются коллективными владельцами участка. Таким образом, текст «Анабазиса» дает повод говорить не о частном владении землей (в данном случае владении чем-то вроде ловческого участка или рыболовецкого угодья), а о коллективном.

Существенно было бы выяснить, о каком хозяйственном коллективе идет здесь речь. Текст «Анабазиса» не дает ответа на этот вопрос. Однако, некоторые сведения об этом можно извлечь из данных приблизительно того же времени, полученных в результате археологических раскопок

Рис. 1. Фракийское поселение у с. Малкия Асар. В, Е — здания

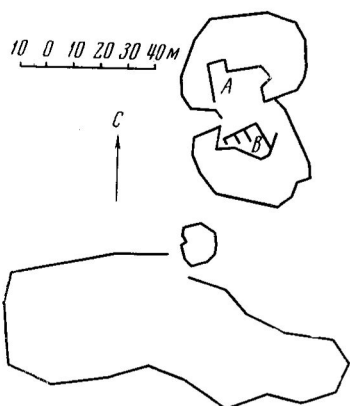

Рис. 2. Фракийское поселение у с. Церквище. А, В — здания

в той же Южной Фракии. В Восточных Родопах, близ с. Драгойново в Болгарии, обнаружено несколько фракийских поселений: у современных селений Малкия Асар и Церквище¹³. Постройки на поселениях вызывают большой интерес. Несмотря на то, что не все они раскопаны, а обнаруженные часто не прослеживаются полностью, все же можно составить некоторое представление об их размерах. На поселении у Малкия Асар здания занимали площадь 240 и 120 кв. м (рис. 1, В, Е); на поселении у Церквище — 225 и 360 кв. м (рис. 2, А, В). Правда, И. Велков, раскопавший эти поселения, не определяет назначения построек. Однако многочисленные фрагменты найденной здесь толстостенной керамики, круглая плитка, служившая для закрытия дымохода, и толщина стен этих построек (0,6—0,7 м) дают основание считать их жилищами.

В этнографической и археологической литературе обычно принято считать дома таких (да и меньших) размеров «большими домами», служившими жилищами для большесемейных коллективов. Б. Н. Граков при раскопках на скифском Каменском городище на Днепре, хронологически близком (IV в. до н. э.) к поселению у Драгойнова, обнаружил несколько наземных жилищ и землянок больших размеров¹⁴. Например, одно из них имело площадь 200 кв. м, другое — 160 кв. м, площадь третьего доходила до 140 кв. м. Автор раскопок полагает, что в таких

¹³ И. Велков, Драгойново — един тракийски селищев център, «Изв. на Българския Археологически институт», XIX, 1955, стр. 86—94. Датировке этого интересного памятника уделено, к сожалению, мало внимания. Судя по тем литературным аналогиям, к которым прибегает И. Велков, фракийское поселение у Драгойнова бытовало в V в. до н. э., т. е. по времени близко событиям, описываемым Ксенофонтom в «Анабазисе».

¹⁴ Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1954, № 36, стр. 61—63.

жилищах проживали большие патриархальные семьи, объединенные в одну семейную общину.

Большие дома были распространены и у древних германцев¹⁵. Весьма интересен, например, материал, полученный при раскопках поселения Эзинге в голландской провинции Гронинген¹⁶. В первом слое, датированном IV в. до н. э., найден дом, площадь которого равнялась 192 кв. м. В наиболее сохранившихся слоях III—I вв. до н. э. наряду с небольшими домами обнаружены и крупные (например, 165,6 кв. м), которые исследователи считают жилищем больших родственных коллективов или большой семьи, ведущей общее хозяйство¹⁷. Большие дома IV в. до н. э.—I в. н. э. обнаружены в западной, северной и восточной Германии¹⁸. Эти дома древних германцев исследователи считают жилищами больших семей¹⁹, наличие которых в античное время засвидетельствовано Цезарем и Тацитом. Более подробные сведения, касающиеся состава больших семей у германцев, можно извлечь из варварских правд; древнейшие части текста этих источников свидетельствуют о том, что в первые века нашей эры большая семья у германцев Западной Европы состояла из трех поколений: супругов, их женатых сыновей и детей этих последних²⁰. К аналогичным выводам о соответствии больших домов большесемейным коллективам приходят и исследователи поселений черняховской культуры. Так, Э. А. Рикман в сводной работе о больших домах носителей этой культуры приходит к выводу, что такие «дома были местом обитания патриархальных больших семей»; размеры этих домов колеблются в округленных цифрах от 90 до 130 кв. м²¹. Подобные примеры можно было бы умножить²².

Среднее число членов большесемейных коллективов в разное время и у разных народов, конечно, было неодинаковым. М. О. Косвен приводит цифры, характерные для эпохи распада большой семьи (70 человек), тут же отмечая, что прежде семьи были крупнее и состояли из 100 и более человек²³. Он же приводит и максимальные числа: 200—300 человек в задруге у словенцев, 250 — у болгар²⁴.

Большие дома скифов, западноевропейских германцев и племен черняховской культуры, являвшиеся, по заключению исследователей, обиталищем большой семьи, могут (до некоторой степени) служить эталоном и при определении тех родственных коллективов, которые населяли

¹⁵ W. Radig, Die Siedlungstypen in Deutschland und ihre frühgeschichtlichen Wurzeln, Berlin, 1955, S. 55—64; его же, Frühformen des Hausentwicklung in Deutschland, Berlin, 1958, S. 42—56; F. Behn, Die Entstehung des deutschen Baurenhauses, Berlin, 1957, passim.

¹⁶ W. Radig, Frühformen des Hausentwicklung, S. 50—55; F. Behn, Указ. раб., S. 15—16; И. Н. Гроздова, Типы крестьянских домов в Нидерландах и Бельгии в первой половине XIX в., Сб. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», М., 1968, стр. 223.

¹⁷ W. Radig, Frühformen des Hausentwicklung, S. 57; И. Н. Гроздова, Указ. раб., стр. 223.

¹⁸ Н. М. Листова, Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в., Сб. «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы», стр. 182.

¹⁹ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 126—132; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР». Серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 356—359; Э. А. Рикман, К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа, «Сов. этнография», 1962, № 3, стр. 136—137.

²⁰ А. Д. Удадьцов, Родовой строй у древних германцев, Сб. «Из истории западноевропейского феодализма», М., 1935; А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956.

²¹ Э. А. Рикман, Указ. раб., стр. 133—134.

²² См., напр., Г. И. Анохин, К проблемам заселения страны и возникновения поземельной общины в древней Норвегии, Сб. «Культура и быт народов зарубежной Европы», М., 1967, стр. 51—54 и указанную там литературу.

²³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 65.

²⁴ Там же, стр. 49. Такие же цифры приводят Л. В. Маркова («Сельская община у болгар в XIX в.», «Славянский этнографический сборник», М., 1960, стр. 67—68), Н. Н. Грацианская («Постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в.», Там же, стр. 201, 203, 254).

дома на фракийском поселении у с. Драгойнова: следует полагать, что это были большесемейные домашние общины с характерным для них хозяйственным единством.

Второй, не менее существенной для нас особенностью поселений у с. Драгойнова являются их каменные ограды (толщиной 1,10—1,30 м). Они следуют рельефу местности и огораживают значительные пространства (1600 кв. м; 1750 кв. м; 5400 кв. м и даже 9600 кв. м), внутри которых и находились описанные выше большие дома. Назначение огороженных пространств руководитель раскопок определяет, привлекая отрывок из трагедии Эсхила «Персы» (ст. 869 и сл.). Эсхил, участвовавший в экспедиции афинян 475 г. против г. Эйона в устье р. Стримона, в области племени эдонов называет фракийские жилища *ἑταῦρος*. Термин этот, употребленный по отношению к фракийским поселениям и Аполлонием Родосским (Argon, I, 798 сл.), в древнегреческом языке имеет два значения: 1) загон для скота и 2) жилище. Вместе с однокоренным словом *αἰλή* (огражденное стеной место, в котором имеется жилище и загон для скота) оно близко по смыслу к нашему слову «двор» или (благодаря приставке *ἑλ-*) приобретает значение «все то, что относится ко двору»²⁵. Сопоставление термина *ἑταῦρος*, употребленного Эсхилом, с данными раскопок у Драгойнова дает представление о дворах, окруженных оградами, с расположенными на них жилищами. Любопытно, что дворы, окруженные частоколом, у фракийцев из юго-восточного племени тинов засвидетельствованы в другом отрывке «Анабазиса»: «Из-за мелкого скота дома были окружены со всех сторон высокими частоколами» (Anab., VII, IV, 14). Внутри такого двора находилось у тинов и жилище, что явствует из того же места в рассказе Ксенофонта. Описание Ксенофонта поразительно совпадает с данными из Драгойнова (различие в материале, из которого сделаны ограды, не представляется нам в данном случае существенным).

Небезынтересно в этой же связи обратить внимание на термин, которым Ксенофонт в том же «Анабазисе» обозначает проводников-фракийцев, вынужденных указывать грекам дорогу среди огороженных частоколами дворов в своей деревне, захваченной врагами. Здесь (Anab. VII, IV, 14) Ксенофонт говорит о *ὄδεσφότης τῆς οἰκίας*. Обычно это выражение переводят — «хозяин дома» или «владелец дома»²⁶. Нам, однако, представляется более правильным переводить его выражением «глава домашнего очага (или хозяйства, или семьи)», так как слово *οἰκία* имеет все эти значения и отнюдь не ограничено понятием «дом» (в смысле «здание», «строение»). Нельзя ли это выражение Ксенофонта наряду с термином *ἑταῦρος* («огороженный двор с жилищем на нем»), употребленным Эсхилом, а также данные археологии о существовании больших домов считать доказательствами существования у фракийских племен, живших в Родопах в V в. до н. э., большесемейных коллективов, являвшихся хозяйственными единицами? Нельзя ли видеть в них ту хозяйственную категорию, которую в этнографии принято называть «домохозяйство» или «двор» и которая соответствует тому, что у римлян обозначалось терминами *domus* и *familia*, у сербо-хорватов — «куча», «куща» или «задружна куча», у восточных славян — «дом», «двор», «дворище»²⁷ и т. п.?

²⁵ И. Велков, Драгойново, стр. 91—93. Так же трактует слово *αἰλή* и М. О. Косвен («Семейная община и патронимия», стр. 101).

²⁶ Ксенофонт, Анабазис, М.—Л., 1951, стр. 203; Хр. М. Дянов, Югоизточна Тракия по сведения на Ксенофонт, «Известия на Института за българска история», 1951, № 3—4, 1951, стр. 300.

²⁷ Домовая община является одной из последних, наиболее поздних форм общины, основанной на принципах родства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 61, 62, 134, 139; там же см. указание на работы М. М. Ковалевского, специально посвященные этому вопросу). Мнение А. Фола (Указ. раб., стр. 316) о том, что уже с V в. до н. э. патриархальная домовая община (Patriarchalische Hausgemeinde) у фракийцев была территориальной, представляется неправильным.

Если приведенные выше источники считать достаточно надежными, а их интерпретацию правильной, то есть основания считать, что община некоторых южнофракийских племен этого времени представляла собой большесемейную общину. Это была община той же ступени развития, что и община у латинян в начале римской истории, германцев на рубеже нашей эры и других народов античной Европы (см. примеч. 1—3 настоящей статьи).

Постепенно в недрах фракийской большесемейной общины начинают развиваться те процессы, которые впоследствии приведут к переходу части общинных земель вначале во временное пользование, а затем во владение малых семей, т. е. к появлению частной собственности малых семей (вернее глав малых семей) на эти земли. Черты такого процесса, который столь четко наблюдался в истории классических народов древности, можно обнаружить и во фракийских материалах.

Обратимся с этой целью прежде всего к 24-й оде Горация — римского поэта эпохи Августа. В ней рассказывается о формах землевладения у гетов — крупнейшего северофракийского племени, которое, по-видимому, в это время (так же как южные фракийцы в более ранний период) находилось на стадии развитого племенного союза, стоявшего на пороге государственности²⁸:

- 11 vivunt et rigidi Getae,
12 immetata quibus iugera liberas
13 fruges et Cererem ferunt,
14 nec cultura placet longior annua,
15 defunctumque laboribus
16 aequali recreat sorte vicarius.

Живут и непреклонные геты,
Которым неразмежеванные участки земли
Приносят свободные плоды и урожай хле-
бов.
И нежелательно возделывать поле более
года,
Когда же покончено с трудами
Заменяющий обновляет равную долю²⁹.

В исторической литературе научная значимость этого источника оценивается по-разному. Нет единства и в трактовке сообщаемых в оде сведений.

Ряд ученых вообще отказывается признать историческую ценность этих сведений Горация. Так, в 1880-х годах Г. Тоцилеску впервые усомнился в том, что эту оду можно считать достоверным свидетельством жизни гетов, и увидел здесь лишь идеализацию незнакомых Горацию народов севера³⁰. Отрицал достоверность сообщения оды об общности земли и Г. Кацаров³¹, полагавший, что строки 11—14 являются лишь одним из общих мест в описании золотого века, столь часто встречающихся у поэтов эпохи Августа, а строки 15 и 16 заимствованы Горацием из сообщения Цезаря о свевах (Bell. Gall., IV, 1). М. Ростовцев сомневается, можно ли относить сведения Горация к гетам современной поэту эпохи, так как эти данные противоречат, по его мнению, другим источникам, устанавливающим у гетов более высокий уровень социально-экономического развития. Б. Геров также не считает возможным признать сведения Горация достоверными, так как и по его мнению они находятся в противоречии с действительным уровнем экономического и социального развития гетского общества, знавшего уже частную собственность³². На

²⁸ «Istoria Rominiei», București, 1960, pp. 274—278; «Народы зарубежной Европы», т. 1 (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 602—603; Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1955, № 2, стр. 73—91.

²⁹ Приведен подстрочный перевод. Наиболее удачный, на наш взгляд, поэтический перевод дан в следующем издании: «Квинт Гораций Флакк». Перевод Г. Ф. Церетели. М., 1936.

³⁰ Gr. Tocilescu, Dacia înainte de Romani, București, 1880, pp. 731—734.

³¹ G. Kazarov, Указ. раб., стр. 43—45.

³² M. Rostovtzeff, Gesellschaft und Wirtschaft in römischen Kaiserreich, Bd. I, Leipzig, 1929, S. 339—340, Anm. 79; Б. Геров, Указ. раб., стр. 20.

этом основании и А. Бодор³³ отказывает Горацию в осведомленности о земельных отношениях у гетов и подобно Кацарову, усматривает в оде заимствование из сообщения Цезаря о свежах. Некоторые сомнения по поводу достоверности данных оды Горация высказывал и А. Б. Ранович³⁴.

Нам же представляется, что имеется мало оснований сомневаться в осведомленности Горация. Напротив, можно полагать, что Гораций, живший во время крупных столкновений Рима с гетами и в этот период создавший свою оду, человек, близкий к Августу и его окружению, больше, чем кто бы то ни было, находился в курсе гетских социальных взаимоотношений. В одном из стихотворений Гораций пишет, что в Риме его считали лицом весьма осведомленным по гетскому вопросу³⁵. Поэзия его содержит и другие сведения о гетах, причем он обнаруживает конкретные и детальные знания и в области политических событий на Дунае, и относительно вооружения гето-даков и их религии³⁶. Что же касается сомнений, основанных на сходстве в описании золотого века и жизни варваров у поэтов эпохи Августа, то можно сказать, что идеализация этой жизни возникла в результате сведений, почерпнутых в ходе столкновений Рима с окружающим его племенным миром в конце Республики и начале Империи. Геты и были одними из тех племен, сведения о которых создавали у римлян представления о варварах. Гораздо существеннее выяснить, действительно ли данные Горация расходятся со сведениями об уровне социально-экономического развития гетов рубежа н. э. в других источниках. Большинство подобных сомнений основано на представлении о якобы существующей несовместимости общинного землевладения, характерного-де только для первобытного, доклассового общества, с имущественным и социальным расслоением, частной собственностью и другими чертами, характерными для общества, выходящего за пределы общинно-родовых отношений. Как известно, последние черты были уже присущи гетскому обществу. Однако отвергнуть научную ценность 24-ой оды Горация следовало бы лишь в том случае, если бы в ней содержалась характеристика общины у гетов как классической родовой без каких-либо признаков перехода к более поздним формам³⁷. Между тем текст оды не дает повода для подобного заключения. Остановимся на нем подробнее.

Перевод первых трех строк (11—13) не вызывает сомнений: «живу и непреклонные (свирепые, жестокие) геты, которым неразмежеванные (необмеренные) участки земли приносят свободные плоды и урожай хлебов». Выражение «неразмежеванные участки земли» (*inmetata iugera*) указывает на общинную форму землепользования, сохранение неподеленной между членами общины пахотной земли и, возможно, на коллективное потребление урожая, собираемого с этой земли (*liberae fruges* — свободные плоды — скорее всего надо понимать как никому в отдельности не принадлежащие). Наличие общей неразмежеванной общинной земли в более раннее время можно усмотреть и в свидетельстве Арриана (*Анаб.*, I, 4) о том, что воины Александра Македонского с трудом смогли пройти через густые хлеба на полях гетов и для продвижения вперед должны были раздвигать колосья сариссами. Однако вернемся к оде Горация. В ней несколько далее (14—16 строки) есть как

³³ A. Bodor, Contribuții la problema agriculturii în Dacia înainte de cucerirea romană. Problema obștilor la daci, «Studii și cercetări de istorie veche», t. VII, 1956, № 3—4, pp. 253—266.

³⁴ А. Ранович, Восточные провинции Римской империи, М., 1949, стр. 247.

³⁵ Horac., Sat., II, 6, 53 сл.

³⁶ Horac., Carm., I, 18, 36; II, 16, 20; III, 6, 8, 24; IV, 12, 15.

³⁷ К. Маркс в набросках ответа на письмо В. Засулич говорил о первобытных общинах, «отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. 19, стр. 413).

будто указание на то, что часть земельных угодий подвергается разделу: «...и нежелательно (неудобно) возделывать поле более года; когда же покончено с трудами, заменяющий (*vicarius*) обновляет равную долю». Существуют два толкования этого места нашего источника. Часть исследователей, как уже отмечалось, видит здесь прямое заимствование текста Цезаря о свевах (*Bell. Gall.*, IV, I) ³⁸, в котором последний сообщает, что в то время как часть свевов воюет, другая остается дома и обрабатывает поля; через год же воины сменяют землепашцев, а землепашцы становятся воинами. Однако, во-первых, сам текст нашей оды не дает для такой трактовки никакого повода: совершенно очевидно, что речь идет здесь о замене одного земледельца другим, а не о замене вочна земледельцем. Во-вторых, имеющиеся сведения об организации армии у гетов в I в. до н. э. противоречат подобному истолкованию текста Горация: армия гетов представляла собой в это время вооруженный народ и в сражениях участвовали не только все способные носить оружие мужчины, но и женщины ³⁹.

Значительно больше оснований присоединиться к мнению других исследователей ⁴⁰, которые воспринимают эти строки как свидетельство земельных переделов у гетов. Речь идет о сменяемых (*vicarius*) рабочих, вздывающих поле, и о равных участках (*aequali sorte*), получаемых ими при смене. Термин *sors*, употребленный Горацием, наводит на мысль о переделах по жребью.

Ода Горация не позволяет с определенностью сказать, идет ли речь о переделе уже обработанной земли или же о перелоге. Вполне возможно, что один и тот же участок не использовался более одного года, и членам общины отмеряли необработанный ранее (глагол *recreat* — обновлять — позволяет именно так понимать эту строку) участок земли ⁴¹.

Таким образом, ода Горация как будто говорит о существовании у фракийцев-гетов на рубеже нашей эры двух видов общинных угодий: угодия первого вида не подвергались разделу между членами общины и обрабатывались ими сообща, угодия же второго вида разделу подвергались. Последний вид угодий получали только в кратковременное (на один год) пользование, а не в качестве наследственного частного владения. Сведения Горация дают некоторую возможность наметить один из начальных этапов возникновения земельной собственности у фракийцев — выделение из общинного фонда пахотной земли участков во временное пользование отдельных семей.

С той же целью выявить процесс выделения из общины отдельных семей обратимся еще раз к материалам из Драгойнова. Некоторые черты этого поселения, прослеживающиеся в его планировке, указывают на хозяйственное обособление семей, возможно малых. Это проявляется прежде всего в начавшемся делении крупных большесемейных дворов на более мелкие. Так, план северного двора в Церквище указывает, на то, что, хотя двор еще и не разделился полностью, его две час-

³⁸ См. G. Kazakov, Указ. раб., стр. 45; A. Bodor, Указ. раб., стр. 256—258. М. Макря (M. Macrea, *Procesul separării orasului de sat la Daci*, «Studii și referate privind istoria României», București, I, 1954, p. 139) считает, что сходство сообщений Цезаря и Тацита о свевах и Горация о даках обусловлено сходством социальной среды.

³⁹ Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, стр. 88—91.

⁴⁰ Так воспринимают смысл оды Горация М. Ростовцев (Указ. раб., стр. 334), А. Рапович (Указ. раб., стр. 242), М. Макря (Указ. раб., стр. 138—139), Т. Златковская («Мэзия в I—II вв. н. э.», М., 1951, стр. 20; «Племенной союз гетов...», стр. 84).

⁴¹ Последней из высказанных трактовок придерживаются В. Пырван (V. Pârvan, *Getica*, București, 1926, p. 136) и Р. Флореску (R. Florescu, *Agricultura în Dobrogea în începutul stăpînirii romane*, «Studii și cercetări de istorie veche», 1956, № 3—4, p. 380). Последний ссылается при этом на этнографические примеры существования перелога у румын.

ти уже явно начали обособляться. Этот процесс сказался в появлении на когда-то общем дворе двух отдельных домов (рис. 2, А и В). Показателен в этом же отношении и совершенно самостоятельный малый двор, расположенный близ самого большого из дворов Драгойнова, в центральной части Церквища. Малые размеры этого дворика (он подовальной формы, диаметры его 12 и 15 м) существенно отличают его от всех других и указывают на то, что им владел небольшой коллектив, скорее всего малая семья.

Интересно отметить, что домохозяйства, дворы которых составляют сравнительно с другими меньшую площадь (5400, 3500, 4800 кв. м и т. п.) группируются в единое поселение с примыкающими друг к другу оградами, тогда как очень большие родственные коллективы, дворы которых занимают площадь около 100 тыс. кв. м, выделились в отдельные хутора (нижняя часть рис. 2). Можно предположить, что это является признаком большей хозяйственной самостоятельности более крупных и богатых домохозяйств. Любопытно, что все отмеченные выше симптомы выделения малых семей на поселении Драгойново мы наблюдаем именно в этих наиболее крупных домохозяйствах. Очевидно, выделение малых семей происходило здесь ранее, чем в других больших семьях, меньших по числу членов и, вероятно, менее экономически подготовленных к началу этого процесса.

Сведения аналогичного порядка можно почерпнуть и из интересного эпиграфического документа — надписи, оставленной в I в. до н. э. фракийцами из села Фракиокоме близ г. Кизика в Малой Азии⁴². В надписи зафиксированы четыре категории жителей села: 1) кометы из деревни фракийцев, 2) землевладельцы (γεωκτηται), 3) люди, объединенные вокруг божества (или вокруг святилища), и 4) просто «живущие в деревне» (κατοικοῦντων). Некоторые исследователи (М. И. Ростовцев, И. С. Свентицкая⁴³) полагают, что землевладельцы-геоктиты были общинниками, получившими право на индивидуальное держание земли в пределах общинных земель (то ли на правах собственности, то ли на правах владения). Есть и другая трактовка данной надписи, предложенная Е. И. Голубцовой; согласно этой трактовке геоктиты не признаются членами общины, а считаются лицами, выделившимися из нее, находящимися вне общины⁴⁴. Надпись не позволяет сказать с определенностью, закончился ли к I в. у фракийцев (живших близ Кизика) процесс выделения собственников земли из общины или он еще продолжался. Тем не менее она, бесспорно, свидетельствует о разделении и даже противопоставлении общинников (кометов) тем лицам (геоктитам), которые владели участками земли.

Отмечая одну из черт, отличающих земледельческую общину от общины более древних типов, Маркс говорил о периодических переделах пахотной земли между ее членами; он отмечал, что при этом каждый земледелец обрабатывает своими силами назначенные ему поля и присваивает себе плоды этой обработки, хотя земля и остается общинной собственностью⁴⁵.

Определяя место этой общины в истории общества, Маркс писал: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторич-

⁴² F. W. Hasluck, *Inscriptions from Cyzicus neighbourhood*, «Journal of Hellenic Studies», vol. XXIV, 1904, p. 21 сл.

⁴³ M. Rostowzew, *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*, Leipzig und Berlin, 1910, S. 263, Anm. 1; И. С. Свентицкая, Зависимое население на землях городов западной Малой Азии в период эллинизма, ВДИ, 1957, стр. 97.

⁴⁴ F. W. Hasluck (Указ. раб., стр. 23) видел в геоктитах людей, арендующих у Кизика земли, прилегающие к деревне. Н. И. Голубцова («Формы зависимости в эллинистической Малой Азии», ВДИ, 1967, № 3, стр. 40—41) полагает, что геоктиты и кометы — различные социальные категории.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 404, 414, 418.

ной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»⁴⁶. Представляется, что такая форма земельных отношений находится в соответствии с общим уровнем развития гетского общества I в. до н. э., о котором говорится в оде Горация. Это общество мы классифицировали как развитый союз племен, стоящий на грани возникновения классового общества⁴⁷.

Материалы Драгойнова дают как бы в графической форме, а ода Горация в поэтической, изображение начальной стадии процесса появления частной собственности на земельные парцеллы. Энгельс в свое время описал этот процесс следующим образом: «Наряду с богатством, заключающемся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь появилось также богатство земельное. Право отдельных лиц на владение земельными парцеллами, предоставленное им первоначально родом или племенем, упрочилось теперь настолько, что эти парцеллы стали принадлежать им на правах наследственной собственности»⁴⁸.

Роль соседских, территориальных связей во фракийской общине эпохи становления государства прослеживается по рассмотренным выше источникам плохо⁴⁹. Однако о ней можно судить по косвенным данным, в частности по сведениям о развитии у фракийских племен (периода разложения племенных союзов и становления государства) торговли, денежного обращения и ремесла, о глубоком имущественном расслоении, возникновении классовых антагонизмов и классов, о появлении множества лиц, оторванных от своего родового коллектива, и т. п.

Если принять во внимание, кроме рассмотренных источников, и эти данные, то, вероятно, правильнее будет классифицировать фракийскую общину соответствующего периода как соседско-большесемейную. Таким образом перед нами переходная форма общины, стоящая между архаической общиной, основанной на отношениях кровного родства, и территориальной земледельческой общиной⁵⁰.

TOWARDS THE PROBLEM OF COMMUNAL LAND OWNERSHIP IN THE PERIOD OF FORMATION OF CLASS SOCIETY

(ON THRACIAN MATERIAL)

The author shows the historic validity of the views of Engels on communal land ownership among the Romans, Germans and Celts confirming them by new or newly interpreted data on this phenomenon among the Thracians. Analysis of the literary tradition of Antiquity, of epigraphic and archaeological material leads the author to the conclusion that in the period when incipient class society was being formed collective forms of land ownership were in existence among the Thracians; she notes the presence of big houses inhabited by extended families forming economic units. Within such extended family communities the process took place which were gradually to lead to the economic detachment of small families and to the rise of private land ownership.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 419.

⁴⁷ Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, стр. 91.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 166—167.

⁴⁹ В своей последней работе по древней Фракии Хр. М. Данов придает этим связям решающее значение и полагает, что фракийскую общину можно считать земледельческой, по крайней мере со времени Гекатея, т. е. с середины VI в. до н. э. (см. Хр. Данов, Древна Тракия, София, 1968, стр. 303—307). Однако под термином «земледельческая община» Хр. М. Данов, видимо, подразумевает не определенную ступень в развитии общинных отношений, а просто сельский характер фракийских поселений, отличных от городов (полисов) греков, так как его аргументация построена только на том, что фракийские поселения в античной традиции называются не полисами, а деревнями (комахи).

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 403, 413, 414, 417.